

ИРВИНГ СТОУН

МОРЯК В СЕДЛЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111.09(73)

ББК 84(7Сое)-8

С82

Серия «Эксклюзивная классика»

Irving Stone

JACK LONDON, SAILOR ON HORSEBACK:

A Biographical Novel

Перевод с английского *М. Кан*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Ферец*

Художник *А. Гайворонская*

Печатается с разрешения издательства Doubleday,
an imprint of The Knopf Doubleday Group,
a division of Penguin Random House, LLC.

Стоун, Ирвинг.

С82

Моряк в седле : [биографический роман] / Ирвинг Стоун ; [перевод с английского М. Кан]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-137056-5

Джек Лондон. «Последний романтик» мировой литературы. Писатель, жизнь которого была не менее увлекательна, чем истории героев его потрясающих произведений. Он знал и нищету, и бродяжничество, и громкий успех, и богатство.

Он видел и «белое безмолвие» Крайнего Севера, и тропический рай Гавайских островов, и Мексиканскую революцию.

Он пережил множество приключений — порой забавных, а порой опасных. Но был ли он счастлив? Или наоборот — мучительно тайно страдал от равнодушия, насмешек и презрения, которыми одаряли его «собратья по перу», видя в нем лишь вышедшего из низов талантливого самоучку? Кем был Джек Лондон? Как жил? На эти и многие другие вопросы дает ответы в своем прекрасном биографическом романе «Моряк в седле» классик жанра Ирвинг Стоун.

УДК 821.111.09(73)
ББК 84(7Сое)-8

© Irving Stone, 1938

© Перевод. М. Кан, наследники, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

ISBN 978-5-17-137056-5

Если ты утаил правду, скрыл ее, если ты не поднялся с места и не выступил на собрании, если выступил, не сказав всей правды, — ты изменил правде.

Дайте мне взглянуть правде в лицо. Расскажите мне, какое лицо у правды.

Джек Лондон

Это история о Джеке Лондоне, рассказанная его собственными словами с присутствующими только ему неподражаемым колоритом, характером и драматизмом. Там, где Джек говорит о себе, ни один биограф не смог бы сказать лучше.

«Моряк в седле» основан на материале пятидесяти опубликованных книг Лондона и двухсот тысяч писем, черновых рукописей, документов, дневников. Все это — сам Джек Лондон; это — рассказ о том, как он работал, любил и боролся.

Ирвинг Стоун

I

Ранним июньским утром 1875 года жители Сан-Франциско, проснувшись, прочли в газете «Кроникл» ужасающую историю: женщина выстрелила себе в висок. Дело было в том, что муж «выгнал ее из дому, так как она отказалась умертвить своего еще не родившегося младенца, — пример бессердечия и мучений семейной жизни».

Женщиной была Флора Уэллман, заблудшая овца из семьи Уэллманов, старожилов города Мэслон, штат Огайо. Мужчиной — странствующий астролог-ирландец профессор Чани. Что касается младенца, то ему было суждено стать известным миллионам людей всего мира под именем Джека Лондона.

Статья в «Кроникл» — это поток брани по адресу профессора. Правда, в заключение автор признается, что эта история рассказана друзьями Флоры с ее же слов. Газета обвиняет профессора в том, что он отбывал в свое время срок заключения в тюрьме Тумс, что своих бывших жен — нескольких — похоронил: «растет зеленая трава у их изголовья, и холодный камень лег в ногах». Флору он заставлял гнуть спину у корыта, наниматься в няньки к чужим людям. Он продавал мебель, купленную на деньги жены, выгонял Флору из дому, а когда она отказалась уйти, сам бросил ее.

Правды в этих обвинениях так же мало, как и в заголовке статьи — «Покинутая жена». Флора никогда не была замужем за профессором Чани. Ни малейшего желания кончать жизнь самоубийством у Флоры не было. Рана ее оказалась царапиной и принесла куда больше вреда профессору Чани — ведь газеты разнесли эту историю по всей стране. Чани был оскорблен и опозорен на всю жизнь. Вскоре после этого происшествия он исчез из Сан-Франциско. Джек Лондон никогда не видел своего отца.

В то время, когда появилась статья в «Кроникл», Флоре Уэллман было лет тридцать. Низенькая, невзрачная, безвкусно одетая, она ходила в очках и черном кудрявом парике: глаза и волосы ей испортил тиф. Изжелта-бледное лицо с крупным носом, большие уши. Родом Флора была из хорошей уэльской семьи. В 1800 году ее бабушка, миссис Джоэль Уэллман, глубокой зимой с четырьмя детьми перешла через Аллеганские горы от озера Канандейгуа в штате Нью-Йорк до Вэйн-Каунти, Огайо. Чтоб совершить подобное путешествие, требовались энергия, мужество и уверенность в себе.

Оба сына миссис Джоэль Уэллман — Хайрам и Маршалл (дедушка Джека Лондона) унаследовали эти качества. Как-то поздней осенью, когда братья гостили в Кливленде, они отправились пароходом на остров в бухте Путин-Бей. На обратном пути — а это был последний рейс в том году — пароход почему-то там не остановился, и мальчики остались на безлюдном острове без пищи и крова. Наступала зима. Орудуя камнями вместо топора, они ухитрились соорудить из прибитых к берегу бревен такой прочный

плот, что смогли на нем добраться не только до материка, но и до самого Кливленда.

Маршалл Уэллман поселился в Огайо в городе Мэслон. Здесь он строил каналы и брал патенты на свои изобретения, главное из которых — угольная топка Уэллмана. Сколотив солидный капитал, он построил себе дом, один из самых красивых в Мэслоне. Там и родилась его дочь Флора.

Флоре Уэллман была предоставлена возможность получить самое разностороннее по тем временам образование. Она училась музыке, окончила колледж, много читала, хорошо говорила, обладала изящным слогом и превосходно держалась в обществе. Девушке из богатой семьи Уэллманов было бы не трудно выбрать себе мужа по душе и зажить, как ее братья и сестры, степенно и благополучно. Но тут в налаженной машине что-то застопорилось; Маршалл Уэллман был искусный изобретатель, однако справиться с непокорной дочкой оказалось ему не под силу. По отзывам друзей, это была девица с легко меняющимися настроениями, умная, одаренная, но нервная. Сколько-нибудь строгому порядку, твердым указаниям она поддавалась с трудом. Двадцати лет она перенесла тиф, и после болезни, как говорят, у нее осталась некоторая сумятица в голове.

Когда Флоре исполнилось двадцать пять лет, она собрала пожитки в чемодан и уехала из Мэслона. Для молодой девушки это было неслыханно. Отношения с родителями были порваны на всю жизнь. Несомненно, произошел скандал, но об истинной причине этих неприятностей можно только догадываться. Изобретательный репортер «Кроникл» предполагает, что «Флора приехала к нам на побережье приблизи-

тельно в то же время, когда через заросшие шалфеем романтические дали Невады сюда предпринял путешествие профессор». На самом деле Флора встрети-лась с Чани лишь три года спустя, в Сиэтле.

Биограф Джека Лондона был бы готов пожертво-вать многим, чтобы проследить скрытые от нас три года жизни Флоры Уэллман, когда она скиталась из города в город, зарабатывая на хлеб уроками музы-ки. Оставшиеся сведения наводят на мысль, что это была бы неприглядная история.

Профессор Чани пишет: «... в тех же мебелирован-ных комнатах, где Флору считали моей женой, она прежде выдавала себя за жену Ли Смита. Заведение, где мы жили, было весьма солидным, и вот однаж-ды, вернувшись домой, я увидел, что жильцы собра-лись выезжать и весь дом охвачен ужасным волнени-ем. Не успел я войти в комнату, как Флора закрыла дверь на ключ, упала передо мной на колени и, ры-дая, стала молить о прощении. Я сказал, что мне не-чего ей прощать. После долгих жалоб и разговоров во-круг да около она наконец рассказала мне правду о Ли Смите. Жильцы, сказала она, уезжают из-за того, что знали ее, Флору, почти в одно и то же время под име-нем мисс Уэллман, миссис Смит и миссис Чани. Сто-ило мне тогда уступить первому побуждению, и я ушел бы от нее, избавив себя от многих лет страданий. Но у меня самого за плечами была исковерканная жизнь, и, поразмыслив, я простил Флору».

В первый раз Чани встретился с Флорой Уэллман у Йеслера, мэра города Сиэтла. Мэр был родом из Огайо и хорошо знал Уэллманов. Флора в то время гостила у мэра и его жены. Мистер и миссис Йеслер по секрету рассказали Чани, что их гостья — дочь

очень почтенных родителей, но в чем-то провинилась. Это неведомое «что-то», очевидно, и заставило Флору уйти из дому. Чани был на короткой ноге с Йеслерами, часто к ним заходил, и когда позже, в Сан-Франциско, увиделся с Флорой, они встретились как старые друзья.

Что за человек был отец Джека Лондона? Не многое известно о его прошлом, кроме того, что он был чистокровным ирландцем и родился в бревенчатой хижине в штате Мэн. В молодости он много лет провёл на море. Невысокий ростом, профессор был такого могучего телосложения, что в шестьдесят лет ухитрился спустить с лестницы хулигана, которого подослали избить его. Чем он занимался? Писал, издавал журналы, читал лекции, преподавал и составлял гороскопы. Им была собрана обширная библиотека, куда входили книги по философии, математике, астрономии и оккультным наукам. Он был языковедом, способным историком, знатоком Библии. Среди близких учеников и последователей он слыл человеком замечательным; среди астрологов был признан одним из лучших. Говорят, что на склоне лет, живя в Чикаго, он посвятил свои недюжинные творческие способности астрологии, занимаясь ею по шестнадцать часов в день. Он страстно и искренне верил в астрологию и считал ее такой же точной наукой, как химия и математика, наукой, способной вытащить человечество из затянувшейся его трясины.

Самой большой слабостью Чани были женщины. Когда друзьям случалось упрекнуть профессора в прегрешениях против морали, он, указывая на свой гороскоп, восклицал: «Увы! Так уж мне на роду на-

писано». Его ничего не стоило рассердить, и нелегко было иметь с ним дело: ему непременно хотелось быть вождем, наставником, руководителем решительно во всем. Большую часть жизни он был беден, деньгами не дорожил. Если ученикам было нечем платить, он давал уроки бесплатно и постоянно раздавал то небольшое, что имел.

По свидетельству студентов, его лекции всегда слушались с неослабевающим вниманием: ему было о чем сказать, и он знал, как это сказать. Иронизировать он умел как никто. Его друзьям над многими стоило подумать, если они умели думать. А если не умели, они недолго оставались его друзьями. В городе Портленде, штат Орегон, его еженедельные лекции пользовались известностью. На доске перед слушателями был изображен гороскоп в метр величиной. Перед ним с указкой в руке стоял Чани, предлагая аудитории объяснить значение различных сочетаний звезд. После полуторачасовой лекции он с присущим ему сочным ирландским юмором развлекал учеников забавными историями.

В 1909 году один из его последователей, Джо Траунсон из Гельдзбурга, позднее собрат Джека Лондона по социалистической партии, писал: «Мне особенно нравилось, когда в ходе беседы он, бывало, восклицал: «А-а! Это наводит меня на мысль...» И принимался развивать эту мысль, с блеском формулируя ту или иную научную истину, описывая явления природы, еще никем не отмеченные. В математике и астрологии он был изумителен, он обучил меня методу расшифровки древних надписей. Он прекрасно разбирался в грамматике. Познания его отличались глубиной, у него была голова настоящего учено-

го, поразительная память. Писать он мог без устали по шестнадцать часов в сутки; часто читал лекции, в которых говорил о причинах бедности и средствах борьбы с нею, о том, что богатые становятся все богаче, а бедные — беднее. Человек чрезвычайно многосторонний, он научил меня большему, чем все другие мои наставники, вместе взятые. Как-то раз он сказал мне: «Я вас научу, как вычислить время затмения; какой бы наукой вы ни вздумали заняться, я обучу вас». Одним словом, когда мне нужно было что-нибудь узнать, я шел к профессору Чани».

Траунсон не забывает упомянуть и о недостатках Чани. Профессор ничего не смыслил в музыке, ненавидел поборников женского равноправия; он был верным другом и беспощадным врагом, а после ссоры лишь скрепя сердце признавал достоинства противника. Он брал деньги у атеистов за то, чтоб прочесть лекцию против церкви... и был не в силах держаться вдали от молоденьких вдовушек.

Зажив одной семьей с Флорой Уэллман, Чани обосновался в доме на Первой авеню, как в то время называлась улица между Мишен и Валенсией. Он начал сотрудничать в журнале «Здравый смысл», объявившем себя единственным атеистическим журналом к западу от Скалистых гор. Чани писал статьи, прочел цикл лекций по социологии для Общества филоматов, а на дому занимался толкованием гороскопов.

«Профессор поселился в Сан-Франциско с тем, чтобы заниматься *астрологией*. Он намерен также преподавать астрологию тем, кто захочет получить сведения об этом небесном искусстве. Знатоками и горячими сторонниками астрологии были такие

умы, как Галилей и Исаак Ньютон. В длинном перечне лиц, выдающих себя в этом городе за астрологов, ни один не имеет представления об этой науке. Астрологами именуют себя обыкновенные шарлатаны, гадающие на картах и на кофейной гуще. Их ворожба и навлекла дурную славу на истинную астрологию. Рабочие часы с 10 до 12 утра и с 2 до 4 дня. Вечерние консультации по особой договоренности».

Чани не был шарлатаном. Большую часть жизни он учил, писал и читал лекции по астрологии бесплатно. Из этого ясно, что он не занимался сознательным жульничеством за счет легковверных. Вот анекдот, по которому можно судить, какое место он занимал в своей области.

Однажды в городе случился пожар. Сгорел дом. Подозревали поджог. Хозяин дома обратился к профессору Чани. Профессор сказал, что в поджоге участвовали трое, и описал их с такой точностью, что хозяин отправился к преступникам и объявил, что Чани уличил их. Те тут же сознались. Если сказал Чани, отпираться бессмысленно.

Воскресными вечерами Чани читал лекции по астрологии в Чартер-Оук-Холле. Билеты у входа продавала Флора — по десять центов каждый. Некоторое время лекции давали хорошие сборы, хотя кое-кто приходил, чтоб поиздеваться над лектором.

Лучшим свидетельством ума и взглядов Чани можно считать его статьи, напечатанные журналом «Здравый смысл»: «Бедность; ее причины и средства борьбы с нею», «Как поступать с преступниками?». В статье «Человек должен уметь предсказывать будущее» он пишет: «Неправильная система обучения

внушила нам, что будущее принадлежит Богу и самая попытка человека заглянуть в будущее — богохульство. Вера в это прививается с раннего детства, и, вероятно, девять десятых жителей Соединенных Штатов склонны недоверчиво относиться к утверждению, что можно предсказать будущее. Их позиция подобна той, которую занимали люди до Галилея. Воспитанные на догме, что Земля плоская, они с отвращением взирали на всякого, кто утверждал, что она кругла. Когда папа с кардиналами заточили Галилея в темницу за утверждение, что Земля движется по орбите, простым людям казалось, что этот человек, один из первых мучеников во имя науки, наказан по заслугам».

Статьи Чани написаны хорошим языком, аргументация — убедительна, манера изложения — четкая, ясная. Видишь, что автор — человек всесторонне образованный, достаточно смелый, чтобы говорить откровенно. Он любит людей и хочет научить их стремлению к совершенству. У него современные, передовые взгляды. В статье о криминологии он пишет, что преступника удерживает не столько суровость, сколько неизбежность наказания. В другой статье он предлагает филوماتам организовать братскую общину. Мужчины, женщины и дети будут собираться раз в неделю. Взрослые станут писать и обсуждать сочинения на различные темы, дети — заниматься музыкой, обучаться искусству композиции и критики. Род человеческий будет совершенствоваться, и спустя несколько поколений порок и преступление исчезнут.

Флора же была не только астрологом, но и страстной спириткой. Она проводила спиритические сеан-

сы, на которых публике предлагалось общаться с духами близких, посылать им вести о себе. Можно было получить от них совет, как повести дела — торговые или сердечные, как уследить за легкомысленным супругом, уладить ссору: ведь незримым духам куда удобнее наблюдать земные дела. В 70-х годах прошлого века спиритизм стал очень моден; по всему Сан-Франциско устраивались десятки сеансов, и приверженцы спиритизма доходили до того, что испрашивали одобрение духов, даже когда собирались нанять экономку.

Несколько месяцев, прожитых в Сан-Франциско, Флора и Чани были счастливы. Флора вела хозяйство, давала уроки музыки, устраивала спиритические сеансы, читала лекции о спиритизме. В палатке с земляным, посыпанным опилками полом Чани читал лекции по химии, астрономии и оккультным наукам, а Флора, стоя в дверях, отбирала у посетителей билеты. У них были друзья среди астрологов, они пользовались доброй славой и в своей области были первыми. Флора, по-видимому, любила профессора и очень хотела, чтоб он на ней женился. Но Чани был слишком занят лекциями в Обществе филоматов о «Явлениях физической, умственной, моральной и духовной жизни». Профессору было не до суетных дел вроде женитьбы.

Когда Джеку Лондону исполнилось двадцать три года, он написал Чани, спрашивая, отец ли он ему. 4 июня 1899 года, через двадцать четыре года со дня появления статьи в «Кроникл», Чани ответил.

Называя Лондона «дорогой сэръ», он соглашается «исполнить его желание сохранить все в молчании и тайне» и дает свое толкование событий.

«Я никогда не был женат на Флоре Уэллман, — пишет Чани, — но с 11 июня 1874 года по 3 июня 1875 года мы жили вместе. Я в то время не мог быть ей мужем: сказались лишения, нужда, чрезмерная умственная работа. Отцом вашим, следовательно, я быть не мог и, кто ваш отец, не знаю».

Уступая просьбе Джека Лондона помочь установить истину, Чани повторяет молву, которая весной 1875 года связывала имя Флоры с двумя другими мужчинами. В то же время он с готовностью признается, что «из первых рук ничего не знает». Затем следует одна из самых горестных страниц, какие когда-либо были написаны человеком. «В свое время я был весьма нежно привязан к Флоре, но наступили дни, когда я возненавидел ее со всей силой, на какую способен страстный человек. Как многие, кто побывал в подобных обстоятельствах, я даже собирался убить ее и себя самого. Впрочем, время исцелило мои раны. У меня не осталось к ней дурного чувства. Что касается вас, я вам горячо сочувствую: могу вообразить, каково было бы мне на вашем месте... В газетах писали, будто я выгнал ее из дому за то, что она не соглашалась сделать аборт. Статья была перепечатана и разослана по стране. В Мэне ее прочли мои сестры, и две из них стали мне врагами. Одна умерла, убежденная, что я виноват. Вся родня, за исключением одной сестры в Портленде, в штате Орегон, — мои враги, которые по сей день клянут меня за то, что я их опозорил. В то время я напечатал брошюру, где приводилось полученное от начальника полиции донесение сыщика. Из него было ясно, что меня оклеветали. Тем не менее «Кроникл» и другие газеты не пожелали опровер-